

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Егоров Д.И. Общие тенденции развития американской историографии в русле прагматического поворота // Genesis: исторические исследования. 2024. № 5. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.5.40680 EDN: COTCDN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40680

Общие тенденции развития американской историографии в русле прагматического поворота

Егоров Денис Иванович

кандидат исторических наук

независимый исследователь

129128, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Бажова, 15.1, кв. 85

 denyegorov1981@yandex.ru

[Статья из рубрики "Теория и методология истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.5.40680

EDN:

COTCDN

Дата направления статьи в редакцию:

07-05-2023

Аннотация: Прагматический поворот и философия прагматизма в версиях Х. Патнэма и Р. Бернстайна представлены в виде общих эпистемологических установок наиболее перспективных направлений исторической мысли в США. Под их методологическим влиянием в центре исследовательских интересов оказались практики повседневности и исторический опыт рационализации деятельности. Изменились представления о взаимосвязи макро и микро-уровней исторической действительности, произошел отказ от детерминизма, появились новые формы исторического описания. Цель автора заключается в раскрытии содержания данных понятий, определении их роли в конкретных исследовательских областях, а также в попытке охарактеризовать специфику американского варианта прагматического поворота. В первой части статьи проведен анализ наиболее значимых тенденций для развития исторической науки США, связанных с коррекцией мировоззренческих идей и познавательных принципов философии прагматизма. Во второй части статьи ключевые тезисы, концепты, понятийно-терминологический аппарат работ ведущих специалистов по транснациональной, социальной, экологической, правовой истории соотнесены с теоретическими

положениями прагматического поворота в социально-гуманитарном знании. Представлен многоаспектный обзор развития современной американской историографии. Описаны пути разрешения предшествующих научных противоречий и конструирования новых вариантов национальной идентичности, способы обновления методологического арсенала и актуализации исторического знания.

Ключевые слова:

прагматизм, прагматический поворот, практики, опыт, конструктивизм, акторы, социальная история, экологическая история, правовая история, транснациональная история

Ключевые тенденции развития современной американской историографии сформировались в русле противоречий, которые переживала историческая наука в последней трети прошлого века. С одной стороны, фрагментация и установка на идеино-теоретический плюрализм обеспечивали рост количества методологических инноваций и исследовательских областей. С другой, происходило размытие базовых национальных идей и нарративов о них, содержания тезисов социальных концептов модернистского типа, профессиональных критериев работы историка. Показателен пример дискуссий вокруг книги П. Новика «Эта благородная мечта: «вопрос объективности» и американская историческая профессия». Ее автор констатировал, что на фоне дисциплинарной фрагментации была похоронена идея теоретического синтеза, произошла утрата критериев, на основе которых было бы возможно согласовывать мнения историков по спорным проблемам [24, р. 415]. «Вопрос объективности» попросту стал излишним. Оппоненты Новика привели немало аргументов, доказывающих утрированный характер его выводов, но сама критика произвела столько разногласий «вопроса объективности», что скорее способствовала подкреплению его утверждений.

Подобные издержки неуклонно множились, усугубляя состояние методологической неразберихи, влекли увеличение объема одиозных исследований и обсуждений, снижали социальную значимость исторического знания. Один из оппонентов Новика Дж. Клоппенберг понимал, что недостаточно сформулировать обоснованную критику релятивистских взглядов, но следует обозначить линию преемственного развития американской историографии, определить точки консенсуса в вопросах научных оснований исторического знания и положениях профессиональной этики. Все эти возможности он усмотрел в коренной американской философии прагматизма и ее гносеологических установках: перспективизм (не все точки зрения равнозначны, но ни одна не имеет привилегированного доступа к объективности), фаллибилизм (любое знание промежуточно) и инструментализм (теории и понятия – адаптивные средства освоения реальности). Со времени своего зарождения в XIX в. прагматизм способствовал разрешению идейных противоречий, а его важнейшее эпистемологическое значение заключается в определении «золотой середины» при конфликте мнений и определении критериев их национальной оценки. Вне зависимости от идеологических и теоретических предпочтений ведущие историки США, по мнению Клоппенберга, вдохновлялись работами Ч. Пирса, У. Джеймса, Дж. Дьюи. Их взгляды продолжают активное развитие в наши дни, историки же охотно опираются на них, сталкиваясь с актуальными сегодня проблемами классовых, этнических, религиозных, правовых, гендерных и иных видов противоречий [21, р. 202-203, 222-223].

Теоретико-методологический аспект темы

Становление и развитие идейных основ философии прагматизма в конце XIX - нач. XX вв. в таком неоднородном государстве как США было отображением поиска путей решения этнических и социальных конфликтов ради общего блага, а также поиска способов приспособления мирового научного наследия к собственным нуждам. [\[25, р. 907-908\]](#).

К середине 30 годов XX в. на фоне устаревания ранкеанской и позитивистской академической традиции к эпистемологическим установкам прагматизма в значительной мере начали проявлять внимание историки: первоначально как к средству методологического обновления дисциплины. Отказавшись от бытовавших объективистских канонов, ими предпочитали руководствоваться представители «прогрессистской» школы (Ф. Тернер, Ч. Бирд, К. Беккер), существенно обогатившие изучение социально-экономической тематики. Позднее оппоненты «прогрессистской» школы из школы «консенсуса» выдвигали обвинения, что прагматизм был использован для оправдания субъективизма и презентизма. Сами же, фактически разделяя прагматический тезис о соответствии полезных верований истине, учреждали согласие историков, целью которого было сглаживание неоднозначных политических и общественных вопросов американской истории. Методология прагматизма изображалась в виде «среднего пути» популярного в то время спора идеалистов и материалистов [\[21, р. 207-212\]](#).

С 60-х годов, в связи с освоением методологии аналитической философии и структурализма, интерес к прагматизму снижался. Его даже именовали «провинциальной философией». Однако в 80-х годах, уже на фоне лингвистического поворота и постмодернистского вызова рационалистической традиции, стала остро ощущаться потребность возврата к нему. В европейской и американской социологии того времени формировалось направление «прагматической социологии», ориентированной на решение прикладных задач с отказом от фундаментализма и во многом опирающейся на инструментализм. Прагматический поворот непосредственно не связан с философией прагматизма, а является обобщенным названием направления исследований, посвященных многоаспектному анализу деятельности в рамках ее структурных ограничений и возможностей, в системе отношения мотивов акторов к результатам своей деятельности [\[16, р. 133-134\]](#). Подобный акцент позволял отстраниться от тупиковых теоретических споров 80-90-х гг.

Историки США также откликнулись на данные веяния, открывавшие перспективы создания нового формата исследований и преодоления методологической анархии, образовавшейся под влиянием постмодернизма. В исторической науке прагматический поворот выражается смещением исследовательского акцента с изучения развития общественных отношений к изучению социальных практик и их исторической специфики [\[2, с. 405-407\]](#). Это нашло отображение в работах представителей активно развивающихся отраслей исследований сегодня: транснациональная, социальная, правовая, экологическая истории и др.

Следование положениям прагматического поворота привнесло характерные корректизы в работу историков:

- пересмотрено взаимоотношение макро и микро-уровней исторической действительности, так как по макро-уровнем стало пониматься длительное и регулярное

воспроизведение акторами однотипных ситуаций;

- в центр анализа ставятся мотивы акторов, условия и особенности их деятельности, а не роль детерминирующих факторов и социально-исторических закономерностей;

- изменились способы исторического описания: контекстуальное и процессуальное описание пришло на смену объяснительным моделям на основе причинных понятий.

В США прагматический поворот наиболее тесно сблизился с философией прагматизма, способствуя разрешению накопившихся научных разногласий. Без преувеличения его можно назвать ведущей методологической тенденцией на данный момент. Полидисциплинарный характер, способность интегрироваться с предшествующими и инновационными подходами, умение приспосабливать исследовательские проекты к меняющимся реалиям – все это позволяет предположить, что длительное время он будет сохранять научно-познавательную перспективу и социальную значимость. Прагматизму же вновь было определено значение «среднего пути», теперь между тенденциями к догматизму в объективизме и скептицизму в релятивизме. Теоретическое обоснование своих работ историки активно подкрепляют ссылками на Х. Патнэма и Р. Бернстайна, внесшим вклад в обновление прагматизма.

Ценными для историков теоретическими посылами работ Х. Патнэма были актуализация логики «здравого смысла» и концепция прагматического реализма. Историкам зачастую ставят в упрек, что в сущности они не обладают объектом исследования, а занимаются интерпретированием его описаний, что двойная опосредованность данных не позволяет знанию быть объективным. Х. Патнэм утверждал, что объективность возможна и в условиях отсутствия (не наблюдаемости) объекта, ведь также, как фактическое содержание описания является ценностно-субъективно нагруженным, так и ценностный аспект обусловлен фактической нагрузкой. Под объективностью следует понимать нормативную установку и свойство логической правильности суждения, а не отражательное свойство объекта. В вопросе истины прагматический реализм Патнэма нацелен на снятие субъект/объектной дилеммы: сознание и мир совместно созидают сознание и мир [\[4, с. 9-13\]](#). Прагматический реализм – это процесс снятия сомнений или необоснованных верований, в результате которого формируются рациональные верования, что соответствует истине. Таким образом, сведя объективность к правильности суждений, а истину к отсутствию сомнений, Патнэм обозначал точки отчета для продуктивной познавательной деятельности, позволяющей избегать односторонности метафизического реализма и культурно-исторического релятивизма.

Работы Р. Бернстайна приобрели популярность у американских историков, так как в них раскрывается тезис, что прагматизм – это философия демократии. Чаще всего обращаясь к идеям Ч. Пирса, Р. Бернстайн разрабатывал концепцию коммуникативной рациональности, где рациональность понималась в виде результата конструктивной дискуссии в поиске наилучшего варианта. Низкая продуктивность научной коммуникации, по его мнению, сводится к двум причинам, противостоящим демократическому знанию. Во-первых, различные «измы» стремятся обосновать не свою полезность, а свои основания. Во-вторых, плюрализм не верно понимают, как равнозначную ценность любых гипотез. Прагматизм – средство эффективного диалога, способное преодолеть издержки монизма и плюрализма [\[9, р. 1, 15-22\]](#). Принципами прагматической познавательной деятельности Р. Бернстайн обозначает: антифундаментализм, «сильный» плюрализм, открытость публичной критике. В ракурсе коммуникативной рациональности истине отводится роль работающей гипотезы.

Работы Х. Патнэма и Р. Бернстайна существенно не реформируют идеи классиков прагматизма, в них отражены все те же перспективизм, фаллибилизм и инструментализм. Однако оберегают их от упрощённых трактовок, от использования в целях деструктивной критики и обоснования волюнтаризма. Возрождение прагматизма в виде учения о принципах продуктивной познавательной деятельности и эффективной реализации методологических возможностей, знаменовало очередной этап развития американской историографии с новыми взглядами на рационализацию исторического опыта. За этой рационализацией зачастую понимаются очередные формы идейной консолидации общества и теоретического синтеза исторического познания.

Ранее идейные консолидации с опорой на прагматизм выражали концепции «плавильного котла», «теория согласованных интересов» и др., в которых обращение к историческому наследию было призвано сглаживать коллективные разногласия ради общего поступательного развития. Сегодня идейная консолидация выражена в формах мультикультурализма и гражданской инклюзивности, в которых анализ повседневно-практической деятельности различных групп (по гендерному, классовому, расовому, религиозному и др. признаку) раскрывает их исторический вклад в развитие американского общества и демократии [\[19, р. 279-290\]](#).

Поиски теоретического синтеза в русле прагматического поворота осуществляются на поли-дисциплинарной основе [\[28, р. 25\]](#). Это сотрудничество специалистов разных областей (историков, лингвистов, социологов, психологов и т.д.) в работе над общей проблемной тематикой. Сопоставление различных экспертных мнений и обнаружение точек соприкосновения признается результатом в наибольшей степени соответствующим достоверности. В американских исторических изданиях последних лет зачастую публикуют не только историков, но авторами около половины статей сборников могут быть специалисты других профессий.

Проведение исследований в стиле прагматического поворота предполагает изменение мышления историков. Социальные практики и опыт, формы исторической памяти – данные объекты изучения не могут быть раскрыты средствами причинно-следственного и факторного анализа. Подобные подходы представляются как упрощающие редукции, которые влекут крайности объективизма и релятивизма. Первое характерно для исторических взглядов с привлечением версий социального детерминизма, второе – при опоре историков на лингвистический детерминизм [\[5, с. 141-146\]](#).

Социальный детерминизм при объяснении исторических процессов и явлений представлен главным образом опорой на теории К. Маркса, Э. Дюркгейма и М. Вебера. Их труды являются фундаментом трех наиболее значимых направлений социальной историографии: исторический материализм, школа Анналов (I и II поколение) и технолого-модернистские концепции развития. Каждое из направлений выражает свой вариант социологизации истории и социального детерминизма. В самой же социологии длительное время происходил кризис доверия к авторитетам, развивался процесс, который напротив можно назвать историзацией социального [\[6, с. 8-11\]](#). Само понятие социализации стало означать не включение индивидов в общественные отношения с усвоением их норм, а наследование, переживание, проверка, воспроизведение и преобразование опыта. Данные социальные практики описываются на примерах конкретных ситуаций, но через конкретику раскрываются их общие и универсальные черты. Таким образом понятие опыта преодолевало несопоставимость микро и макроуровней социальной реальности, которыми отдельно занимались «полевые» социологи и теоретики социального детерминизма. Классовая структура, ментальность,

связь коллективных ценностей с хозяйственно-управленческой деятельностью и др. – лишь одни из граней социального, к которым не должно сводиться его определение. Они являются и результатами повседневных практик, и их структурными основаниями. Данные положения объединяет работы П. Бурдье, Э. Гидденса, Б. Латура, Г. Гарфинкеля и других ученых, чьи концепции определяют лицо современного обществознания.

«Прагматическая социология» способствовала возрождению интереса к социальной истории, ранее пребывавшей в состоянии кризиса из-за разногласий сторонников различных вариантов социального детерминизма. Они провоцировали идеологические споры, что отражалось на научном престиже отрасли, влекло потерю доверия в объективности интерпретаций. Теперь исторический материал был предназначен для иллюстрации роли различных аспектов межличностных отношений, таких как солидарность, коллективная травма, привычки и пр. Общими мотивами подобных работ были, во-первых, «поворот к человеку», с акцентированием внимания на переживаниях, мотивах и особенностях деятельности акторов в конкретных пространственно-временных условиях. Во-вторых, общим для них является тезис, что успех реализации деятельности связан с уровнем общественной консолидации, учетом интересов всех легитимных групп. В динамике это означало, что ключевым направлением социально-исторического процесса является поступательная демократизация различных сфер общественных отношений [1, с. 161, 163-164]. Прагматизм, как философия демократического знания, нацеливает на многофакторный и взаимосвязанный анализ событий и процессов, в оценочных критериях упор делается на определение степени эффективности деятельности акторов.

С позиции лингвистического детерминизма историописание представляется главным образом как разновидность словесного творчества. В умеренном варианте он уже присутствовал в теоретических взглядах неокантианцев, утверждавших, что в историческом познании, имеющем субъективно-ценостный характер, выбор описательных средств играет преимущественную роль. В периоды усиления сциентизма в американской историографии под влиянием неокантианства неоднократно возникали дискуссии о роли риторики и эстетики в актуализации прошлого. Однако значения ведущей методологической тенденции они не обрели.

Ситуация изменилась с началом популяризации постмодернизма, широко распространившегося в интеллектуальной среде США. Он стал мощным критическим инструментом и направлением поиска новых форм исторического знания в период становления постиндустриальной эпохи. Присущий постмодернизму лингвистический детерминизм был использован для дискредитации академической историографии, путем преувеличения значимости образного и эстетического аспекта в исторических сочинениях, что приводило к отождествлению их с художественной литературой. Лингвистический поворот обернулся «семиотическим вызовом» дисциплине [28, р. 1-2]. Последователи данного направления утверждали, что в исторических понятиях отсутствует согласованность и прямая связь с объектным содержанием, поэтому они скорее являются метафорами, чем определениями. Подобная позиция хотя и способствовала устранению упрощенного объективизма, но в силу своего радикального релятивизма оказалась тупиковой. Понадобился возврат к более традиционным версиям прагматизма.

В качестве отхода от лингвистического детерминизма в русле прагматического поворота в историографии произошло смещение внимания от анализа символического аспекта исторических текстов к анализу семантического аспекта [18, р. 63]. В частности, речь шла

об ответе на постмодернистскую критику так называемых Больших историй (национальные истории, истории цивилизаций, концепции прогресса и др.), которые в силу идеологической ангажированности и по признакам соответствующей риторики определяли разновидностью социального мифотворчества, продуктами нарративизации и иными производными дискурсивной реальности. Представители прагматического поворота частично соглашаются с подобными утверждениями, так как полагают, что они способствуют развитию критического и саморефлексивного мышления историков. Однако в формировании исторических представлений не менее важное значение отводится роли внедискурсивной реальности [12, р. 44-45], то есть эмпирической данности повседневности, которая оказывается в прагматике смыслового содержания исторических текстов. Большие истории в разные периоды развития отображают свойственные им практики рационализации исторического опыта. Сегодня мир объединен хозяйственными связями, информационным пространством, экологическими проблемами – все это требует создания нового формата Больших историй, повествование которых раскрывало бы в мультикультурном плане взаимосвязанность мирового развития, схожесть практик повседневной деятельности, общность целей, мотивов, ценностей.

Равно как происходила историзация социальных учений, было предложено историзировать текстуализацию [8, р. IX-XII] – процесса актуализации определенного дискурса в зависимости от контекста. Когда постмодернисты осуществляют критический дискурс анализ исторических нарративов, то как правило свои аргументы подкрепляют критикой присутствующей в них политической риторики, которую авторы выдавали за научную точку зрения. Но текстуализацию истории не обязательно связывать с политическим контекстом. История действительно тесно связана с дискурсом власти, однако, по мере социального развития свою историческую идентичность стремятся обрасти все больше групп населения, приобретающих свой голос. В современной историографии свое прошлое раскрывают для себя различные малые группы, ранее считавшиеся маргинальными. Их исторические нарративы не создаются в русле характерных для политизированных историй логик: свои/чужие, господствующие/подчиненные, развитые/отсталые и т.п. В них выражена новая форма текстуализации – идея обретения истории как признака расширения сферы равноправия, которой ранее обладали отдельные элиты, сословия, классы.

Итак, на материале исторических практик повседневности прагматический поворот стал катализатором развития историографии США в нач. XXI в., возвращая ее к рационалистической традиции и осовременивая либерально-демократические идеи, консолидирующие американское общество. Под самой повседневной историей не следует понимать прежние микро-истории о быте прошлого. Быт, рутина, привычки и т.п. стали контекстом функционирования практик и приращения опыта, которые специфичны в зависимости от структурных свойств той или иной сферы общественной жизни.

Прагматические тезисы в отдельных исследовательских отраслях

В сфере отраслевых исследований прагматический поворот проявляется не в виде следования определенной теории с характерными для нее положениями и закономерностями. Признаками его методологического влияния являются схожий исследовательский инструментарий и общее дискурсивное поле, которые выражают такие понятия как опыт, практики, акторы-агенты, обновленный компаративный метод, контексттуальный анализ. Изучаются механизмы заимствования, легитимации, вытеснения прежних и становления новых способов деятельности и ее рационализации.

Общая когнитивная стратегия заключается в формулировании новых форм синтеза между тезисами и антитезисами предшествующего исследовательского опыта, а также предварительная деконструкция с последующим расширением значения понятий, на основе которых конструируется историческая идентичность. Рассмотрим признаки поворота к прагматизму и его роль в развитии таких перспективных отраслей в историографии США как транснациональная история, социальная история, экологическая и правовая история.

Исследования в ракурсе транснациональной истории следует отличать от работ по истории международных отношений и глобализации в духе модернист-прогрессистского дискурса, а также от постколониальных исследований, тесно связанных дискурсом постмодернизма. Они возникли на материале изучения миграционных процессов, этнических диаспор, впечатлений иностранцев о США [\[22, р.13-15\]](#). Их принадлежность к прагматическому повороту выражает акцент на анализе практик культурного обмена, преодолевающего национальные границы: «наиболее эффективными транснациональными историческими исследованиями являются те, которые исследуют, как культурные практики и идеологии формируют, ограничивают или способствуют экономическим, социальным и политическим условиям, в которых люди и товары циркулируют в местном, региональном и глобальном контекстах» [\[11\]](#).

Наиболее примечательным для историографии США является переосмысление понятия американской нации или «денатурализации нации» в транснациональном понимании. «Денатурализация» - отказ от телеологии и нарративов о неких изначальных сущностях (идейных, ментальных, институциональных и т.д.) характеризующих национальную идентичность. Нация описывается в виде актора, воспринимающего и преобразующего опыт в соответствии с насущными мотивами и потребностями. Важным источником опыта представляется культурный обмен, привносимый миграционными волнами. До XIX века преобладала европейская миграция со своим «культурным багажом», поэтому типичным было самоопределение США как Атлантической державы. В конце XIX в., когда стала происходить масштабная азиатская эмиграция, и особенно после Филиппинской войны, прежние границы национальной идентичности были преодолены, так как США во много стала и Тихоокеанской державой [\[29, р. 1-10\]](#).

Подобные формулировки преследовали две цели. Во-первых, консолидирующую - сглаживание этнических противоречий внутри страны. Во-вторых, конструирование новых форм Больших нарративов, которые должны занять достойное место на ряду с прежними всемирными историями. Согласно распространенным представлениям глобализация развивалась в три этапа: установление общих торговых связей в период Великих географических открытий; образование общих производственных и рыночных цепей в период колониализма; формирование общего культурного пространства в современный период. США, как страна эмигрантов, имеет самый внушительный исторический опыт культурного обмена и продуктивного интернационального синтеза. Ее важнейшая мировая роль заключается в распространении этого опыта. Как ранее национальные истории служили идеям национального самоопределения, теперь транснациональные истории служат идеям глобализации [\[22, р.10\]](#). В этом заключается их прагматический смысл.

Прагматический поворот способствовал обновлению социальной истории, ранее переживавшей утрату лидирующих позиций на фоне популяризации культурологических трактовок общественных явлений. Произошла смена исследовательских приоритетов, которую называют переходом от социальной истории к истории общества [\[12, р. 33-34\]](#).

Исследования модернистского типа, предназначенные иллюстрировать на историческом материале структуру и динамику развития какой-либо теоретической модели социальной стратификации (по классовому, имущественному, правовому или гендерному признаку), были оттеснены огромным количеством работ неподдающихся обобщению. Общим их признаком было лишь то, что объектом анализа обозначалась та или иная практика общественной жизни. Образно говоря, акцент сместился от анализа стратегий общественного развития к анализу тактик и логистик. Однако происходило не просто увеличение количества исследований эмпирического типа. Именно содержание организационных, коммуникативных, рутинных практик повседневной деятельности и их специфика в зависимости от условий стали определяющими исторических особенностей фундаментальных явлений: класс, государство, неравенство, статус, гендер и пр. В ответ на социологическую дилемму структура/действие, история «снизу» опровергает прямое детерминистское воздействие общественных институтов на поведение масс, это влияние рассматривается как корреляционное [16, р. 137-139].

Возвращение интереса к социальной истории происходило в связи с усилением в ней гуманистического аспекта и стремлением историков разрушать различные социальные стереотипы, рассадниками которых были в том числе и некоторые модернистские теории. Примечательно повышенное внимание к истории различных малых, локальных и некогда маргинальных групп, а также девиантного и нестандартного поведения. Если ранее обращение к подобным темам мотивировалось желанием наделить собственным прошлым людей, ранее лишенных его, то в последнее время подчеркивается роль меньшинств в общих процессах. Например, может анализироваться вклад в общественное благосостояние безработных, а их положение объясняется не тем, что они «неудачники», но недостатками системы.

Дробление социального поля с выделением все большего количества групп и субкультур размывало представления об основах гражданской солидарности и коллективной идентичности. Оба этих понятия зачастую рассматривались как взаимообусловленные. Все более признаваемым стал тезис, что чем более многоаспектна социальная дифференциация, то тем более она соответствует демократическому духу [19, р. 198-202]. Уровень социально-исторического развития характеризуется объемом возможностей акторов использовать ресурсы структур и осуществлять экзистенциальный выбор в вопросах социальной принадлежности, а также уровнем социальной мобильности. В современных условиях развитости демократических институтов коллективные идентичности утрачивают единые критерии самоопределения, произошла децентрализация идентичности: «Мы осознаем себя по-разному — как граждане, как работники, как родители, как потребители, как любители спорта или хобби, как верующие и так далее. На эти признания влияют различные виды властных отношений, и они в значительной степени обусловлены предположениями, определяющими нас как женщин или мужчин. На одном уровне эта сложность и непостоянство позиций субъекта является банальным наблюдением. Но важно то, что политика обычно ведется так, как если бы идентичность была фиксированной. Тогда возникает вопрос: на каких основаниях, в разных местах и в разное время непостоянство идентичности временно закрепляется таким образом, что позволяет индивидуумам и группам вести себя как особый тип агентов, политических или иных? Как люди превращаются в действующих субъектов, понимая себя определенным образом? По сути, политика состоит в попытке «приручить бесконечность» идентичности» [12, р.48].

В ракурсе децентрированной идентичности деятельность акторов корректнее представляется рассматривать не в виде реализации коллективных установок, а виде

агентности. Агентность – социологическая категория обозначающая способность людей к инициативному и рационализаторскому действию. Прагматическое значение использования данной категории в исторических исследованиях заключается в формулировании новых форм солидарности, в которых оценка вклада общественных групп и их включенность в производственные, демократические, гуманитарные и иные процессы освобождается от привязки к принадлежности к каким-либо «более значимым» социальным статусам [\[20, р. 188-193\]](#).

Прагматика исследований в отрасли экологической истории заключается в преодолении дуалистического рассмотрения естественно-природных и социальных процессов с целью их гармонизации [\[10, р. 201-204\]](#). Историография индустриальной эпохи была склонна изображать общественные явления в изолированном, самодетерминированом виде, в отрыве от влияния окружающей природной среды, или же ей отводилась роль пейзажа и ресурсной базы. Еще в 1967 г. один из пионеров экологической истории Р. Нэш в монографии «Дикая природа и американский разум» начал обосновывать тезис о взаимосвязи нравственных принципов общественного строя с отношением его членов к дикой природе. Условием настоящей демократии, в его представлении, должен быть отказ от утилитарного отношения к ней [\[3, с.190-198\]](#).

В современной экологической истории зачастую естественная среда представлена в виде активного стихийного участника, с которым человечеству в условиях нарастающих экологических проблем предстоит научиться сотрудничать, а не вести борьбу, как это непрерывно происходило со временем неолитической революции [\[15, р. 307-308\]](#). Предшественниками данного направления исследований были работы по локальным природным катастрофам в обособленных экосистемах, где привносимые человеком изменения в конечном итоге оборачивались против него самого. В условиях глобализации необходимость учета данного исторического опыта обосновывается масштабом нарастающих проблем, в русле которых всей экосистеме планеты предстоит пережить судьбу погибших обособленных ойкумен. В примерах воздействия климатических, геологических, биологических явлений на экономику, политику, культурную среду эко-историки отмечают, что по степени влияния на ход социального развития даже войны неспособны сравниться с ролью природных факторов [\[14, р. 1-4\]](#).

Ключевой задачей экологической истории является изучение примеров и концептуализация позитивного опыта сотрудничества человека и природы на основе обогащения друг друга. Особенность американской историографии данного направления выражена в тезисе, что стратегия хозяйственного сотрудничества с природой является результатом культурного и идеологического выбора. Мифологические, религиозные, художественные, научные концепты и пр. отображают и базируются на практиках природопользования, поэтому нелепым представляется их разграничение. Экстенсивные и хищнические практики хозяйственной деятельности неизменно выражали себя в различных разновидностях концепта «человека – царя природы». Эта в конечном итоге губительная самоидентификация должна быть преодолена. С завершением индустриализации человечество из «биологического агента» стало «геологическим агентом», то есть деятельность людей теперь не ограничивается влиянием на биологическую среду, но расширилась до планетарных масштабов путем воздействия на климатические условия: «На протяжении веков ученые думали, что земные процессы настолько велики и сильны, что мы ничего не можем сделать, чтобы изменить их. Это был основной принцип геологической науки: человеческие хронологии ничтожны по сравнению с безбрежностью геологического времени; что деятельность человека

ничтожна по сравнению с силой геологических процессов. И когда-то они были. Но не более. Нас сейчас так много, что мы вырубаем так много деревьев и сжигаем столько миллиардов тонн ископаемого топлива, что действительно стали геологическими агентами. Мы изменили химический состав нашей атмосферы, что привело к повышению уровня моря, таянию льдов и изменению климата. Нет причин думать иначе» [\[10, р.206\]](#). Определяя себя «геологическим агентом», человечество с опорой на предшествующий опыт изменения им биологической среды должно в полной мере осознать возможные последствия своей деятельности в новом качестве.

Эко-историки задаются вопросом: как возможно рассуждать о глобальных процессах, не соотнося их с процессом глобального изменения климата? Ими формулируется новый вариант Большого нарратива, выраженного в концепции эко-гуманизма, которая представляется ими наиболее полным примером исторического синтеза и исторического опыта. Историко-экологической мысли отводится ведущая роль в развитии и реализации либеральных идей, нежизнеспособных в условиях глобальных катастроф, а также роль конструктивной критики капитализма, дальнейшее развитие которого уже невозможно осуществлять извлечением сверх прибылей без оглядки на последствия и руководствуясь национальным эгоизмом. Экология не имеет национальности, ее проблемы и ее история – общие. США, как лидер глобальных процессов, должны всеми средствами продвигать эко-повестку для остальных мощных индустриальных стран, чья хозяйственная деятельность продолжает носить экстенсивный характер и протекает без достаточного осознания возможных последствий для всей планеты [\[23, р. 16-19, 34-36\]](#).

Историки права в США, равно как и юристы, традиционно разделялись на тех, кто ставил во главу угла «букву» или «дух» закона, делая акцент или на ретроспективном анализе реализации правовых норм, или на изучении роли прецедентов в развитии гражданской, политической, экономической систем. С 90-х годов прошлого века мировая юридическая мысль начала переживать так называемый «исторический поворот», который выразился появлением большого количества работ по анализу разнообразия исторических способов легитимации правовых устоев, норм, институтов и пр. Американские юристы и историки также были активными участниками данного процесса. Правовая история обогатилась исследованиями различных способов борьбы за права человека, работами по историческим особенностям профессиональных практик юристов, по раскрытию в конкретных ситуациях взаимосвязи обычая и законов, определявшей рациональность судебных решений. Ключевым тезисом прагматической правовой истории стало определение правовых норм как средств социальных преобразований, а не их целями, которые обозначили еще отцы-основатели и которым необходимо неуклонно следовать.

Можно выделить три причины, и соответствующие им актуальные тематики исследований, того, почему юридические практики рассматриваются в виде важнейшего, порой даже основополагающего, элемента бытования национального общественного устройства.

Во-первых, полиморфный характер американского государства и общества препятствует формулированию каких-либо более значимых универсальных признаков национальной идентичности, чем гражданско-правовых. Быть американцем – это, прежде всего, жить в конституционном пространстве США. Соотнося развитие юридической и социальных систем, историки права отводят обретению опыта правосознания причинную роль в самоопределении и становлении общественных групп. В борьбе за свои права чернокожие, женщины, рабочие добивались создания необходимых для себя законов и поправок, в результате чего формировалась их идентичность и активная гражданская роль. Напротив, в отношении таких групп как, например, амиши, хиппи или азиатские

мигранты не производились значимые законодательные акты, что не позволяет определять их полноценными субъектами социальной системы. Таким образом практики борьбы за права и опыт правосознания – ключевые конструкты страт американского общества, приобретших легитимность.

Во-вторых, красной нитью сквозь всю историю США пронизывают противоречия частной и государственной форм собственности. В данном аспекте изучается роль юридических практик в развитии экономических отношений. Современное определение адвоката, нотариуса, юрисконсульта обозначает их как независимых экспертов и посредников между частными и общественными интересами, деятельность которых направлена на разрешение конфликтов в правовом русле [7. р. 1059-1061]. Историки права изображают юридические акты в виде триггеров (пусковых механизмов) экономических преобразований [17, р.188-189]. Например, может рассматриваться каким образом увеличение числа независимых юристов, противопоставивших себя коллегам – прислужникам корпораций, повлияло на либерализацию рынка и ограничение монополистического произвола. Или как с появлением бесплатной адвокатской защиты в суде возросло вовлеченные в хозяйствственные отношения бедных слоев населения.

В-третьих, самобытная судебная система США, в которой благодаря доктрине прецедентов суды обладают законотворческой инициативой, является наиболее фундаментальным институтом поддержания континентальной гармонизации. Американские юристы интерпретируют законы не как нормы приказного типа, а как разумные установления, степень рациональности которых проверяется практикой прецедентов. При вынесении решений, суды низшей инстанции обязаны считаться с аналогичными прецедентами в судах высшей инстанции, что является условием правильной интерпретации законов и единства правовой системы. Ссылаясь на общенациональный авторитет судебных решений, историки права отводят прецедентам роль предпосылок многих важнейших событий, раскрывающих их суть. Судебные решения против несоответствующих конституционным обычаям Великобритании указов Георга III – как предпосылки борьбы за Независимость; судебные решения по имущественным правам чернокожих, находящихся на государственной службе – как предпосылки отмены рабства и пр. Практика прецедентов рассматривается в виде процесса установления меры полезности законов, их соответствия требованиям времени. Ее роль – обеспечить гибкость и живучесть американской гражданской и политической системы [27, р. 1-4, 21-23].

Освещение событий и процессов в их правовом аспекте создает картину целостности и единства истории США. В отличие от традиции европейских исторических школ права, где законы метафизически олицетворяют «дух нации», американские коллеги усматривают национальную идентичность в самобытной правовой системе и особенностях регулирующих ее юридических практик. Отдельные традиционалисты сетуют, что начавшееся со времен Нового курса преобладание прагматического отношения к правовым нормам делает их исторически условными, что восходящие к естественному праву положения Конституции теряют свое значение [13, р. VII-X]. Однако, анализ конкретных примеров юридических решений показывает, что в зависимости от изменения условий восходящие к отцам-основателям устаревающие нормы скорее переживают обновление, чем отменяются вовсе. Обоснование своей деятельности юристы неизменно должны подкреплять ссылками на право собственности, право свободы договора или право свободы личности, легитимируя таким образом свои акты.

Заключение.

С развитием философии pragmatизма корректировались исследовательские приоритеты американских историков, воспринимавших ее идейные и методологические установки. Первоначально pragmatизм использовался ими для обоснования национальной самобытности. Далее для определения особенностей пути американской модернизации. На данный момент pragmatизм используется для характеристики особенностей организации и способов функционирования общественных сфер жизни в США.

Отсутствие фундаментализма в pragmatизме всегда было поводом для критики в его неспособности служить формированию значимой системы взглядов, а его положениям отводили прикладное значение. Однако именно благодаря этому свойству, в совокупности с концептуальной проработкой категорий практика и опыта, pragmatизм смог дать наиболее адекватный ответ «постмодернистскому вызову» рационалистической традиции. А на почве некогда второстепенных тем (культурная роль мигрантов, «неисторические» социальные группы, локальные экологические катастрофы, юридические практики и пр.) образовались новые варианты для синтеза исторического знания, предметные поля и модели больших нарративов.

Состоялась ли утрата мечты об объективности, которую предложил П. Новик, и подмена ее pragmatикой? Современные исторические исследования значительной части ученых, стремящихся к научным результатам, обладают положительными чертами в плане снижения уровня, с одной стороны, идеологической риторики, и, напротив, «разоблачительного» скепсиса. Ведущим критерием объективности стал уровень рефлексии историков по отношению к предпосылкам собственных выводов и особенностям исследовательских практик [\[8, р. 281-283\]](#). В связке мотив-метод-результат в pragmatизме ключевая роль отводится второму. Соответственно, сочувствующие pragmatизму историки, определяя объективность работ предшественников, в первую очередь обращаются к анализу способов исследовательской деятельности, а не к личным установкам авторов или определению критериев истинности результатов. Подобное понимание объективности может показаться ограниченным, однако нельзя не признать роль pragmatизма в возражении интереса к методологии истории, которую еще не так давно порой именовали «пятым колесом» дисциплины.

Также следует коснуться непосредственно критики концептов pragmatического поворота в общественно-гуманитарном знании, и в историографии в частности. В основном она сводится к двум аргументам. Во-первых, понятие опыт слишком многогранно, поэтому его использование оборачивается конструктивизмом. Во-вторых, практики повседневности настолько разнообразны, что нет возможности из их совокупности вывести целостную картину исторического развития общества.

Действительно, одним из главных качеств, характеризующих современные исторические исследования в США, является социальный конструктивизм. Конструктивизм предполагает невозможность обозначить грань между объективацией реальности, как результата познавательной деятельности, и непосредственно самой реальностью. Отсюда делаются выводы о возрождении и едва ли не вездесущности презентизма в исторической науке, поставленной на службу концептам мультикультурализма, инклюзивного капитализма, эко-гуманизма и образцовой демократии в лице США. Но данная критика утрировано определяет конструктивизм в виде созидания из исторического материала неких конструктов, подразумевая их надуманный и искусственный характер. На деле же, разочаровавшись в корреспондентской теории истины, историки стремятся держать в уме грань между их представлениями о прошлом и самим прошлым. Конструктивизм играет роль фаллибилистической установки на то, что

те или иные аспекты их работ неизменно будут содержать конструктивистские черты, что, в свою очередь, не исключает дальнейший поиск более объективных результатов. Презентизм же в обновленном перспективистском понимании обозначает не «политику, опрокинутую в прошлое», а использование опыта прошлого для нужд настоящего. Например, учесть исторический опыт по приобщению чернокожего населения к американским ценностям и использовать его в решении новых форм миграционных проблем.

Что касается вопроса целостности исторических представлений в условиях углубляющейся специализации и фрагментации исследовательской деятельности, то следует учесть, что прагматический поворот способствовал возрождению интереса историков к социологическим теориям, а изучение разнообразия практик в конечном итоге сводится к анализу их социологического аспекта. Идет ли речь о динамике гендерных, этнических, экологических, юридических и прочих процессов, их причины и последствия раскрываются в виде структурных свойств социальной системы. Таким образом, истории вновь отводится определение дисциплины, изучающей общественное развитие, точнее способов этого развития.

Библиография

1. Гульбин Г. К. Философия истории американской новой социальной истории и ее знаниевые проблемы // Известия Томского политехнического университета. Т. 307, № 1, 2004. С. 161-164.
2. Лубский А.В. Прагматический поворот в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: 2014. С. 405-407.
3. Нэш Р. Дикая природа и американский разум. Киев. Киевский эколого-культурный центр. / Пер. с англ. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2001.
4. Патнэм. Х. Разум, истина и история / Пер. с англ. Т.А. Дмитриева, М.В. Лебедева. М.: Практис, 2002.
5. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XXXXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011.
6. Савельева И. М. Новая «социальность» социальной истории. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2015.
7. Ariens M. A History of Legal Specializations // South Carolina Law Review. 1994, Vol. 45. P. 1003-1061.
8. Berkhofer R. F. Beyond the Great Story: History as Text and Discourse. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press. 1995.
9. Bernstein R.J. The Pragmatic Turn. Cambridge. Polity Press, 2010.
10. Chakrabarty D. The Climate of History: Four Theses December // Critical Inquiry 35(2), 2009. P. 197-222.
11. Cohen R. Global Diasporas. L., N.Y.: Routledge. 2008. [Электронный ресурс] URL:www.academia.edu/8762589/Global_diasporas_an_introduction_Revised_edition_2008 (дата обращения 22.12.2022).
12. Eley G. Is all the world a text? From social history to the history of society two decades later // Practicing history. New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn. N.Y., L. Routledge. 2005. P. 33-61.
13. Ely J. Property rights in American history: From the colonial era to the present. New York; London: Garland, 1997.
14. Hughes J.D. An Environmental History of the World. Humankind's changing role in the community of life. L., N.Y.: Routledge. 2009.
15. Hughes J.D. Global Environmental History: The Long View // Globalizations. December

- 2005, vol. 2, № 3, P. 293-308.
16. Giddens A. The constitution of society: outline of the theory of structuration: elements of the theory of structuration // Practicing history. New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn. N.Y., L.: Routledge. 2005. P. 119-140.
17. Gordon R. Lawyers, the Legal Profession & Access to Justice in the United States: A Brief History // *Dædalus*, the Journal of the American Academy of Arts & Sciences. 2019, № 148 (1). P. 177-189.
18. Jones G. S. The determinist fix: some obstacles to the further development of the linguistic approach to history in the 1990s // Practicing history. New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn. N.Y., L.: Routledge. 2005. P. 62-75.
19. Joyce A., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History. New York: W. W. Norton, 1994.
20. Joyce P. What is the Social in Social History? // Past and Present, 2009. vol. 205. P. 175-210.
21. Kloppenberg J. Pragmatism and the Practice of History: From Turner and Du Bois to Today // Metaphilosophy. Vol. 35, Nos. 1/2, 2004. P. 202-225.
22. Macdonald S. Transnational history: a review of past and present scholarship. 2013. [Электронный ресурс] URL://www.ucl.ac.uk/centre-transnational-history/sites/centre-transnational-history/files/simon_macdonald_tns_review.pdf (дата обращения 08. 11. 2022).
23. McNeill, J. R. Observations on the nature and culture of environmental history // History and Theory. 2003, № 42 (4). P. 5-43.
24. Novick P. That Noble Dream: The "Objectivity Question" and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
25. Ormerod R. The history and ideas of pragmatism // Journal of the Operational Research Society. 2006, №. 57. P. 892-909.
26. Scott J. The evidence of experience // Practicing history. New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn. N.Y., L.: Routledge, 2005. P. 213-223.
27. Sellers M. The Doctrine of Precedent in the United States of America // The American Journal of Comparative Law, № 54, 2008. P. 1-23.
28. Spiegel G. Introduction // Practicing history. New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn. N.Y., L.: Routledge. 2005. P. 1-31.
29. Tyrrell Ian. Introduction: US History as Transnational History // Transnational Nation. 2007. L.: Bloomsbury Publishing. P. 1-10.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Общие тенденции развития американской историографии в русле прагматического поворота»

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен автором в тексте статьи.

Методология исследования. В работе применялись методы историко-культурной и историко-философской реконструкции, компаративистского анализа. А также применялся междисциплинарный подход. Касаясь вопроса, что прагматичного поворота историков автор отмечает, что это привело: к пересмотру взаимоотношений макро- и микро-уровней исторической действительности; в центр анализа ставятся мотивы акторов, условия и особенности их деятельности, а не роль детерминирующих факторов и социально-исторических закономерностей;- изменились способы исторического

описания: контекстуальное и процессуальное описание пришло на смену объяснительным моделям на основе причинных понятий».

Актуальность темы обусловлена тем, что за более полутора века американский прагматизм прошел несколько стадий развития и оказал значительное влияние на философию, историю, социологию, социолингвистику и т.д. Но до настоящего времени нет работ, посвященных развитию американской историографии в «русле прагматического поворота». Данная работа ликвидирует этот пробел.

Научная новизна работы определяется тем, что это первая работа, в которой исследуется общие тенденции развития американской историографии. Научная новизна определяется также тем, что в ней сделана попытка систематического анализа американской историографии «прагматического перехода» за полуторавековой период его существования и этапы этого процесса. Выявлены характерные особенности и тенденции развития прагматизма в США, дана оценка нынешнего его состояния и перспектив.

Стиль работы академический, статья написана ясным, четким языком. Структура работы направлена на достижение цели и задач исследований. Структура состоит из небольшой вводной части и следующих разделов: Теоретико-методологический аспект темы; Прагматические тезисы в отдельных исследовательских отраслях; Заключение. Во вводной части статьи автор отмечает важность исследуемой проблемы и пишет, что «ключевые тенденции развития современной американской историографии сформировались в русле противоречий, которые переживала историческая наука в последней трети прошлого века. С одной стороны, фрагментация и установка на идеино-теоретический плюрализм обеспечивали рост количества методологических инноваций и исследовательских областей. С другой, происходило размытие базовых национальных идей и нарративов о них, содержания тезисов социальных концептов модернистского типа, профессиональных критериев работы историка». И в качестве примера приводит дискуссию вокруг книги П. Новика и далее отмечает, что один из критиков работы П.Новака усмотрел возможности объективной критики «в коренной американской философии прагматизма и ее гносеологических установках: перспективизм (не все точки зрения равнозначны, но ни одна не имеет привилегированного доступа к объективности), фаллибилизм (любое знание промежуточно) и инструментализм (теории и понятия – адаптивные средства освоения реальности)». И далее автор отмечает, что «Со временем своего зарождения в XIX в. прагматизм способствовал разрешению идейных противоречий, а его важнейшее эпистемологическое значение заключается в определении «золотой середины» при конфликте мнений и определении критериев их рациональной оценки». И далее пишет, что и в наши дни историки опираются на идеи прагматиков и активно ее развивают. И в основной части работы (в двух разделах) он раскрывает теоретико-методологический аспект исследуемой темы в целом и в отдельных исследовательских отраслях. В заключение статьи сделаны выводы по теме. Автор пишет, что «развитием философии прагматизма корректировались исследовательские приоритеты американских историков, воспринимавших ее идейные и методологические установки. Первоначально прагматизм использовался ими для обоснования национальной самобытности. Далее для определения особенностей пути американской модернизации. На данный момент прагматизм используется для характеристики особенностей организации и способов функционирования общественных сфер жизни в США». И его следующий вывод заключается в том, что в настоящее время «в условиях углубляющейся специализации и фрагментации исследовательской деятельности, что прагматический поворот способствовал возрождению интереса историков к социологическим теориям, а изучение разнообразия практик в конечном

итоге сводится к анализу их социологического аспекта. Идет ли речь о динамике гендерных, этнических, экологических, юридических и прочих процессов, их причины и последствия раскрываются в виде структурных свойств социальной системы. Таким образом, истории вновь отводится определение дисциплины, изучающей общественное развитие, точнее способов этого развития».

Библиография статьи составляет 29 источников, в том числе работы таких известных российских исследователей как Савельева И.М., Лубский А.И. и другие. Библиография в полной мере раскрывает предметную область исследования. Библиография также показывает, что автор хорошо ориентируется в исследуемой теме и подготовил глубокую статью на актуальную и важную не только в историографическом, но и в методологическом плане статью.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи и в библиографии.

Статья написана на актуальную тему, имеет все признаки научной новизны и несомненно будет интересна читателям журнала.